

УДК 82.091

DOI: 10.17223/19986645/72/13

И.Б. Казакова

ЭТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ У. ВОРДСВОРТА В КОНТЕКСТЕ АНГЛИЙСКОЙ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ XVIII в.

Сопоставляются этические взгляды романтика У.Вордсворта и представителя английского этического сентиментализма Шефтсбери. Особое внимание уделяется таким проблемам, как роль чувств в моральном познании, объяснение и оправдание зла, нравственный смысл воображения, а также понятиям любви, свободы и долга. Поднимается вопрос о роли в формировании мировоззрения Вордсворта моральной философии И. Канта, которая в интерпретации английского романтика приобрела некоторые черты этического сентиментализма.

Ключевые слова: Уильям Вордсворт, Шефтсбери, этический сентиментализм, романтизм, воображение, эстетическая теодицея

Вопрос о преемственности этических идей эпохи Просвещения в творчестве представителей романтизма, как и в целом вопрос об этических воззрениях романтиков, редко привлекает внимание исследователей, поскольку эпоха романтизма отдавала предпочтение художественно-эстетической, а не этической стороне человеческого существования. С точки зрения исключительной личности романтика его нравственные задачи неотличимы от задач эстетической самореализации. В. Виндельбанд пишет об этом: «Нравственная функция гения заключается в самонаслаждении своей творческой фантазией, она не предусматривает необходимость какой-нибудь практической деятельности, не служит ни собственной, ни чужой пользе. Ни одна из целей, называемых в обыденной жизни нравственными, не является ее объектом; она – не работа, а наслаждение, утопающее в собственной свободе. <...> Неустанная работа этического «я» обратилась... в эстетическую игру фантазии. Работа со всеми целями будничной жизни – это удел филистера, гений же, как и олимпийские боги, свободен и имеет только одну задачу – дойти до конца в переживании самого себя, полностью насладиться самим собой» [1. С. 287].

Однако среди разнообразия художественных и интеллектуальных проявлений романтизма можно встретить и интерес к традиционной моральной проблематике, и попытки интегрировать ее в новое мировосприятие романтической эпохи. В английском романтизме примером такой актуализации моральной философии предшествующих эпох является творчество Уильяма Вордсворта.

Читатели XIX в. отмечали нравственный пафос поэзии Вордсворта и воспринимали его как автора-моралиста [2. Р. 3]. Так, Дж.С. Милль утверждал, что Вордсворт помог ему преодолеть нравственный кризис [2. Р. 1–2]. Анализируя этические воззрения английского поэта, исследователи зачастую стремятся выявить их истоки, обнаруживая влияние римского стои-

цизма, Б. Спинозы [2. Р. 10–11], И. Канта [3. Р. 62], Дж. Локка [4. Р. 132]. Нередко обращают внимание на влияние Шефтсбери, при этом акцент делается в первую очередь на эстетических идеях английского философа [4. С. 6; 5. Р. 113]. Однако воздействие Шефтсбери на Вордсворта не ограничивалось областью эстетического, а распространялось и на сферу нравственных представлений, во многом определив своеобразное мировоззрение этого представителя романтизма. Как замечает Э. Вольф, благодаря влиянию английского философа в XVIII в. возникла целая традиция моралистической английской поэзии, достигшая своей высшей точки в поэтическом творчестве Вордсворта [6. Р. 117]. Чтобы понять, какова роль Шефтсбери (и стоящей за ним традиции) в формировании взглядов этого представителя озерной школы, обратимся к сочинениям обоих авторов.

К какой бы теме ни обращался в своем творчестве Вордсворт, моральная проблематика всегда становилась определяющей для раскрытия этой темы. Поскольку сфера нравственности – это в первую очередь взаимоотношения людей, рассмотрим, каким образом они изображаются в его поэзии.

Одна из сквозных тем творчества Вордсворта – распад патриархальных отношений в сельской Англии, социальная несправедливость, тяжелая жизнь беднеющего сельского населения в условиях разрушающегося привычного уклада жизни. Так, многие герои «Лирических баллад» – простые люди, которые перенесли много невзгод, но находят духовную опору в естественных моральных чувствах – привязанности к близким и верности им, благодарности, отзывчивости. По утверждению поэта, «лучшее, что знает человек» – это «мелкие, невидные деянья любви и доброты» [7. С. 215]. Естественность этих чувств, как и естественность нравственности в целом, – одна из излюбленных идей Вордсворта, восходящая к этическому сентиментализму XVIII в. Шефтсбери, один из его основоположников, полагал, что совершаемое человеком добро доставляет его душе одно из самых сильных удовольствий: «Ни одна душа не совершала добрых дел – так, чтобы с еще большей готовностью не совершать их – и с большим наслаждением. И дела любви, милосердия или щедрости никогда не совершались иначе, нежели с возрастающей радостью сердца, так чтобы совершающий их не испытывал все большей любви к этим благородным действиям» [8. С. 113]. Обратная нравственная ситуация изображается Вордсвортом в «Строках, оставленных на камне в разветвлении тисового дерева...»: герой полностью утрачивает способность радоваться, отказавшись от духовной близости с людьми. Поэт так описывает это состояние отчуждения своего героя:

...Он вспоминал о тех, чей ум согрет
Теплом великодушья, для кого
Соединялись мир и человек
Как бы в чудесном действе, – он вздыхал
И радовался горько, что другим
Так чувствовать дано, как он не мог¹ [7. С. 55].

¹ Перевод И. Меламеда.

Вордсворт постоянно возвращается к мысли о том, что источником нравственности является природа:

...Я рад признать
В природе, в языке врожденных чувств
Чистейших мыслей якорь, пристань сердца,
Вожатого, наставника и душу
Природы нравственной моей¹ [7. С. 219].

Это естественное происхождение нравственных чувств противопоставляется искусственному, книжному усвоению морали. Контраст чувств и разума как возможных источников нравственности подчеркивается в стихотворениях «Увещеванье и ответ» и «Все наоборот». На совет друга читать и таким образом усваивать знания лирический герой отвечает, что лучше всего знание нравственности усваивается через эмоциональный контакт с природой:

Тебе о сущности добра
И человечьем назначенье
Расскажут вешние ветра,
А не мудреные ученья² [7. С. 201].

Поднимаемый таким образом Вордсвортом вопрос об источнике нравственных знаний – один из важнейших в английской моральной философии XVIII в. Шефтсбери решает этот вопрос в духе неоплатонизма: умение распознавать добро и зло для него – это результат врожденного стремления души к прекрасному, которое на определенной ступени восхождения по лестнице красоты превращается в моральное добро. Философ пишет об этой ступени познания прекрасного: «...мораль, добродетель, процветание всех дел, совершенствование человеческой природы – вот перспективы, восторгающие ее [душу], вот очарование красоты, которое влечет ее к себе» [8. С. 97]. Иными словами, Шефтсбери верит во врожденную predisposition человеческой души к добру, а ориентиром для распознавания добра в его моральной философии выступает чувство радости и особого удовольствия. При этом английский мыслитель допускает, что этическое восприятие достигнет более высокого уровня и станет свободным от случайностей, если помимо естественной склонности к добру человек будет иметь знание своей нравственной природы, основанное на ее тщательном теоретическом изучении [8. С. 146]. Ф. Хатчесон, наиболее верный последователь Шефтсбери в эту эпоху, тоже говорит о существовании врожденного морального чувства и об удовольствии, которое нам доставляют проявления нравственности [9. Р. 131–132]. Также и крупнейший представитель этического сентиментализма в Англии – Д. Юм – настаива-

¹ Перевод В. Рогова.

² Перевод И. Меламеда.

ет на том, что нравственность располагается в сфере эмоциональных восприятий и нравственный опыт дается нам с помощью положительно или отрицательно окрашенных эмоциональных переживаний, вызванных феноменами моральной жизни [10. С. 512].

Таким образом, в поэзии Вордсворт продолжает традицию английской этической философии XVIII в., но несомненно, что ближе всего ему взгляды Шефтсбери. В этом можно убедиться, обратившись к вопросу об источнике морального чувства в сочинениях Шефтсбери и Вордсворта. Автор «Моралистов» отвергает христианскую религию в качестве такого источника, поскольку, по его мнению, в ней нет естественности и она принуждает человека к нравственности, запугивая его загробным наказанием [8. С. 123–124]. Шефтсбери также отмечает пагубность веры в чудеса, которые предстают у него как знаки божественного присутствия второго порядка, мешающие увидеть Бога в законах управляемой им Вселенной – знаках первого порядка [8. С. 172]. Бог у Шефтсбери – это не личность, а подобие неоплатонического Единого, первопричина, принцип единства природы: «...все – божество, все – Единое, собранное в себе самом и пребывающее... скорее в более простом и совершенном виде, нежели во множестве различных способов существования, а переходя к творчеству, это Единое разворачивается, создавая разнообразную картину природы и этот наш прекрасный видимый мир» [8. С. 198–199].

В художественном мире Вордсворта также присутствует божество, близкое Богу Шефтсбери и неоплатоническому Единому. В автобиографической поэме «Прелюдия» описываются переживания человеческой души, обретающей Бога в общении с природой:

When strongly breathed upon
By this sensation – whencesoe'er it comes,
Of union or communion – doth the soul
Rejoice as in her highest joy: for there,
There chiefly, hath she feeling whence she is,
And passing through all Nature rests with God [11. P. 439].

*[Когда вольно дышится / При каждом возникновении этого ощущения / Единства или общения, душа / Радуетя самой высокой радостью, так как там, / Именно там она чувствует, откуда она, / И, пройдя сквозь всю природу, успокаивается в Боге]*¹.

Ощущение единства мира неотделимо для поэта от ощущения его божественности. Все единичные проявления природы в поэзии Вордсворта

Are god, Existing in the mighty whole,
As indistinguishable as the cloudless East
At noon is from the cloudless west, when all
The hemisphere is one cerulean blue [12. P. 525].

¹ Перевод И. Казаковой.

*[Есть Бог, суищий в мощном целом / Так же неразлично, как безоблачный восток / В полдень неотличим от безоблачного запада, когда вся / Небесная сфера – это одна лазурная синева]*¹.

Из этой идеи единства и божественности всего в универсуме Шефтсбери и Вордсворт делают вывод этического характера, что любовь к отдельному существу возможна только как часть любви к миру в целом. Шефтсбери в «Моралистах» объясняет эту идею на примере любви к конкретному человеку: на замечание Филокла, что он может любить только индивида, а не род, поскольку для любви необходим чувственный образ, Теокл приводит возражение, что наша способность представлять себе образ незнакомого человека или собирательный образ целого сообщества (например, народа) дает нам возможность любить незнакомых людей и, в конечном счете все человечество [8. С. 116–117]. Иными словами, воображение помогает нам полюбить человечество, создавая его собирательный, но зримый образ в виде конкретного человека. Кроме того, Теокл – защитник идеи любви к человечеству – настаивает на том, что именно эта любовь первична, поскольку предполагает в своем носителе великодушие, расположение к людям и готовность признать в них положительные черты, необходимые для любви и дружбы [8. С. 114].

Итак, Шефтсбери высказывает мысль о том, что для нравственной жизни необходимо иметь воображение. В воззрениях Вордсворта воображение также занимает чрезвычайно важное место: оно является гносеологической способностью, и плоды его познавательной деятельности соответствуют устройству универсума. По словам Э. Хирша, у Вордсворта «воображение – это эпистемологическая санкция для живого универсума, и этот же самый универсум санкционирует логику воображения. <...> Акт воображения – это акт, который делает явным скрытое единство всех вещей» [13. Р. 103]. Сам поэт определяет воображение как

...another name for absolute power
And clearest insight, amplitude of mind,
And Reason in her most exalted mood [11. Р. 606].

*[...другое название для абсолютной энергии / И яснейшей интуиции, и размаха мысли, / И разума в его самом возвышенном настрое]*².

Помимо гносеологической функции воображение у Вордсворта способно выполнять роль жизненного ориентира и нравственной опоры, более надежной, чем рассудок, память и надежда:

Воображенье – вот сей дар желанный,
Свет мысленный и истинный оплот,
Лишь амарант его благоуханный

¹ Перевод И. Казаковой.

² Перевод И. Казаковой.

Чело страдальца тихо обовьет, –
Его не сдуют бедствий ураганы,
Его и ветер скорби не сомнет¹ [7. С. 435].

Согласно Вордсворту воображение позволяет охватить природу в целостности, почувствовать ее как существо, подобное человеку, – одушевленное, разумное, нравственное. Однако эта способность, хотя и является врожденной, требует развития. В «Тинтернском аббатстве» способность воспринимать природу таким образом описывается поэтом как итог длительного нравственного развития его личности. Если в юности он видел в ней отражение бурных страстей, то в более зрелом возрасте стал различать в ней другое содержание:

Я теперь
Не так природу вижу, как порой
Бездумной юности, но часто слышу
Чуть слышную мелодию людскую
Печальную, без грубости, но в силах
Смирять и подчинять² [7. С. 219].

В «Прелюдии» поэт также говорит об этом восприятии природы как источника нравственности: «...To every natural form, rock, fruit or flower, / Even the loose stones that cover the highway, / I gave a moral life... [11. P. 208]. [...Каждой природной форме, скале, плоду или цветку, / Даже камням на дороге / Я приписывал моральную жизнь...]³.

Проистекающая из единого истока, пронизанная божественным присутствием природа и у Шефтсбери и у Вордсворта предстает как совершенство. Для Шефтсбери совершенство мира в первую очередь заключается в упорядоченности, гармонии и целесообразности его частей по отношению к целому [8. С. 141–144]. Однако философ вынужден признать, что в этом гармоничном мире присутствуют явления, которые на первый взгляд не вписываются в мировую гармонию – это страдания и смерть, которые можно считать природным злом, и сосредоточенное в человеческом мире моральное зло. Природное зло Шефтсбери объясняет в духе неоплатонизма: гибель и страдания частей компенсируются гармонией и совершенством целого. Философ пишет об этом: «...от разных земных существ требуется умение отречься – они должны идти на жертвы друг ради друга. Растения гибнут и кормят животных, тела животных, разлагаясь, питают почву и так вновь возвращают растительный мир» [8. С. 98]. В конечном счете все частные несовершенства природы меркнут перед ее идеальным прообразом: «...любое природное существо, смертное и подверженное порче, из-за смертности и испорченности своей лишь уступает природе

¹ Перевод Г. Кружкова.

² Перевод В. Рогова.

³ Перевод И. Казаковой.

лучшей, а все они в совокупности уступают наилучшей и наивысшей Природе, природе бессмертной и не подверженной порче» [8. С. 99]. Подобным же образом Шефтсбери стремится объяснить вторжение природного зла – в виде страдания – в жизнь человека: страдания одного уравниваются удовольствиями другого, и (если встать на позицию неоплатонизма и допустить существование круговорота рождений) возможно, что в другой жизни эти страдания обернутся для человека положительным опытом и приведут его к благу [8. С. 111–112].

Более трудным для Шефтсбери оказывается решение вопроса о моральном зле, которое является единственным исключением в общей картине упорядоченного мира: «Все, что мы видим на небесах и на земле, являет нам порядок и совершенство... Все превосходно, все заслуживает любви, все радует и веселит – все, кроме человека и его жизненных обстоятельств, которые кажутся не столь совершенными. Здесь и начинаются все беды и все зло, и отсюда идет разрушение всего благоустроенного строения. Стоит обратиться к человеку, и все исчезает, и весь порядок всего бытия, повсюду столь устойчивого, целостного и недвижимого, здесь опрокинут и утрачен...» [8. С. 144–145]. Используемую им для объяснения природных несовершенств эстетическую теодицею философ не хочет применять для оправдания зла в человеческом мире, поскольку никакая красота и гармония мира не восполняют моральных недостатков человечества. Устами одного из персонажей философ говорит в «Моралистах»: «Ничто... не извинит недостатков или пороков одной части творения, человечества, хотя бы все прочее было прекрасно и без изъяна. Всякая непогода и буря тоже по-своему прекрасны, но лишь за исключением бури в человеческом сердце» [8. С. 90–91]. Шефтсбери рассматривает разные способы объяснения и оправдания этого вида зла: например, он прибегает к одному из христианских вариантов теодицеи, согласно которому зло необходимо, чтобы в борьбе с ним человек совершенствовал свою добродетель [8. С. 135].

Шефтсбери не удается найти какое-либо объяснение склонности человека к злу (философ допускает, что мы знаем еще не все законы морального мира [8. С. 145]), поэтому он постоянно возвращается к своей излюбленной эстетической теодицее в том виде, в котором она существует в неоплатонизме: всякое безобразие, в том числе и моральное зло, возникает по причине неправильного или неполного воплощения идеи в материи [14. С. 491–492]. Как и основатель неоплатонизма Плотин, автор «Моралистов» возлагает вину за человеческие пороки на материю, несовершенство которой ослабляет заключенную в ней душу: «Не приходится удивляться... тому, что внутренняя форма, душа и расположение духа бывают причастны к... случайному безобразию и нередко страдают вместе со своим ближайшим спутником. Кто способен удивляться слабости духа и порочности ума, заключенного в таком болезненном теле и зависящего от таких выродившихся органов?» [8. С. 99]. То есть Шефтсбери переводит моральную проблематику в область эстетического, предлагая рассматривать моральное несовершенство как безобразие, нарушение соотношения формы (ду-

ши) и материи. Преодолению склонности к злу, полагает английский мыслитель, должно способствовать осознание единства мироздания, проистекающего из единого источника – Бога. Это неоплатоническое божество, первоисток и принцип Единства, должно пониматься и как моральное добро [8. С. 190]. Познав добро в его самом высшем проявлении, душа человека освободится от всякого зла, которое всегда есть результат неудачной индивидуации – отделения идеи от Единого и ее воплощения в индивидуальном существе.

Этот способ освобождения от зла носит эстетический характер, так как предполагает работу воображения, без которого будет очень трудно «представлять вселенную одной-единственной цельной вещью» [8. С. 178]. Таким образом, воображение – понятие из эстетической области – становится одним из важнейших в этическом учении Шефтсбери, позволяя человеку проникнуться любовью к человечеству и ко всему мирозданию. По замечанию Э. Вольфа, в сочинениях Шефтсбери воображение открывает для людей новые аспекты мира, делая его восприятие возвышенным [6. Р. 117].

Что касается Вордсворта, то в его поэзии тема природного зла не акцентируется. Наоборот, в стихотворении «Гнездо пеночки» он иллюстрирует мысль о взаимосвязи и гармонии всего в природе историей не о самопожертвовании, а о взаимопомощи: куст разрастается и поднимает свои листья, чтобы спрятать от хищников гнездо с птенцами. Заканчивается эта история словами о любви, царящей в природе. Обращаясь к пеночке, поэт говорит:

Не забывай, как здесь тебя
В тенистой роще, в дождь и зной,
Берег, лелея и любя,
Куст буквицы лесной¹ [7. С. 517].

Природа для Вордсворта всегда выступает как благо (и моральное добро в том числе), из чего можно сделать вывод, что это понятие для него синонимично понятию жизни. В стихотворении «Старый камберлендский нищий» поэт говорит о том, что жизнь даже самого ничтожного существа – это благо, поскольку это все равно жизнь, т.е. добро и смысл. Он пишет об этом:

Tis Nature's law
That none, the meanest of created things,
Of forms created the most vile and brute,
The dullest or most noxious, should exist
Divorced from good – a spirit and pulse of good,
A life and soul, to every mode of being
Inseparably linked [15. P. 94].

¹ Перевод Д. Мина.

[Этот закон природы таков, / Что даже ничтожнейшие из сотворенных вещей, / Из форм, созданных наиболее низменными и грубыми, / Тусклыми или отравленными, не могли бы существовать / Отлученными от добра – духа и пульсов добра, / Жизни и души, с вечным модусом бытия / Неразрывно связанные]¹.

В стихотворении «Нас семеро» героиня – маленькая девочка – утверждает, что вместе с братьями и сестрами их семеро, хотя двое из детей умерли. И сколько бы взрослый собеседник ни убеждал ребенка, что их пятеро, девочка стояла на своем:

«Да нет уж двух: они в земле,
А души в небесах!»
Но был ли прок в моих словах?
Все девочка твердила мне:
– О нет, нас семь, нас семь!² [7. С. 111]

Девочка продолжает воспринимать умерших брата и сестру как живых, поскольку чувствует себя и своих родных как единое целое, от которого невозможно отделить что-либо, не разрушив этой целостности. Эта целостность восприятия опирается на любовь, которая настолько сильна, что, по замечанию исследователя, ее «непосредственный чувственный опыт» отвергает любые факты [4. Р. 149].

Таким образом, в поэзии Вордсворта необходимым условием для приобщения к источнику нравственности – природе, воспринимаемой как единство, необходимо испытывать любовь. Неспособность любить становится непреодолимым препятствием для обретения этого единства, что постоянно подчеркивается поэтом. Так, в поэме «Питер Белл» герой неспособен видеть мир в истинном свете, поскольку неспособен чувствовать:

A primrose by a river's brim
A yellow primrose was to him,
And it was nothing more.
.....
The soft blue sky did never melt
Into his heart [15. С. 100].

[Примула у края реки / Была для него лишь желтой примулой, / И больше ничем... / Голубое небо никогда не проникало / В его сердце]³.

Когда Питер Белл начинает чувствовать, к нему приходит истинное знание:

¹ Перевод И. Казаковой.

² Перевод И. Козлова.

³ Перевод И. Казаковой.

And now is Peter taught to feel
That man's heart is a holy thing:
And Nature, through a world of death,
Breathes into him a second breath,
More searching than the breath of spring [15. P. 109].

*[И ныне Питер почувствовал, / Что человеческое сердце – священная вещь, / И природа сквозь смертный мир / Вдыхает в него второе дыхание, / Более проникновенное, чем дыхание весны]*¹.

Очевидно, что в такой системе представлений зло должно пониматься, в первую очередь как отъединение человека от мира и других людей, которое происходит сначала на уровне эмоций, а потом превращается в образ мыслей. О таком мышлении Вордсворт пишет:

Such consciousness I deem but accidents,
Relapses from the one interior life
That lives in all things, sacred from the touch
Of that false secondary power by which
In weakness we create distinctions [12. P. 525].

*[Я вижу в таком сознании случайности, / Отпадение от единой внутренней жизни, / Что живет во всех вещах, защищенная от прикосновения / Той фальшивой энергии, при которой / Мы по своей слабости творим различия]*².

Таким образом, для Вордсворта, говоря словами Э.Д. Хирша, «корень всякого зла – это разделяющее мышление, отрицающее всякие связи» [13. P. 113]. Вместо того, чтобы видеть во всех вещах то, что их объединяет – присутствие божественной жизни, мы пытаемся познать их через различия между ними, всегда несущественные для истинного знания.

Преодолеть разъединение с миром и людьми может только любовь, о значении которой в этическом учении Шефтсбери и в мировоззрении Вордсворта уже упоминалось выше. Автор «Моралистов» говорит о любви как об основе отношения человека к Богу и миру: «Любовь – простая, чистая, несмешанная, любовь, у которой нет иного предмета, нежели одно великолепие самого бытия, любовь, которая не допускает иной мысли о счастье, нежели мысль о счастье самого бытия» [8. С. 132]. Именно такая любовь «освобождает нас от всего мирского, чувственного и низменно своекорыстного» [8. С. 132]. Для такой любви, как уже было сказано, необходимо воображение, поскольку ее объект невозможно воспринять чувственно. Вордсворт, ценящий воображение в первую очередь как познавательную способность, ассоциирует его также и с любовью. В поэме «Прелюдия» (в версии 1805 г.) английский романтик, описывая возможно-

¹ Перевод И. Казаковой.

² Перевод И. Казаковой.

сти воображения вывести человеческую душу из тьмы и дать ей познать жизнь, бесконечность и Бога, заканчивает прославление воображения следующими словами:

Imagination having been our theme,
So also hath that intellectual love,
For they are each in each, and cannot stand
Dividually [11. P. 605].

[Нашей темой было воображение, / Как и эта интеллектуальная любовь, / Поскольку они есть в каждом, и никто не может оставаться / Отдельно от других]¹.

Упоминание интеллектуальной любви отсылает к философии Б. Спинозы, влияние которого на Вордсворта является дискуссионным вопросом [3. P. 58–66]. По поводу данного фрагмента из поэмы М. Райдер пишет: «В этом важном пассаже, в котором определяется главная тема «Прелюдии», Вордсворт использует термин «воображение» вместо спинозианского термина «интуиция», вкладывая в него тот же смысл, – обозначение полного радости интуитивного чувства космического единства» [3. P. 63].

Представляется, что нет необходимости уяснять, кто оказал большее влияние на Вордсворта в вопросе о значении любви для приобщения к нравственной жизни универсума, – Шефтсбери или Спиноза, поскольку в основе всех упомянутых здесь концепций космической любви лежит одна интеллектуальная традиция – пантеизм в его неоплатоническом варианте [16. С. 133]; и восхождение души, движимой любовью, т.е. влечением к прекрасному, по лестнице красоты, описанное в философии Шефтсбери и поэзии Вордсворта, полностью вписывается в неоплатоническое учение о познании посредством любви.

С влиянием спинозизма также связывают идею Вордсворта о свободе воли. В учении Спинозы свободой обладает Бог, поскольку он не ограничен ничем извне. Человек тоже свободен, но не в том смысле, что его существование ничем не обусловлено, а в том, что он по своей природе причастен к божественной свободе и бесконечному бытию.

В поэме Вордсворта «Прогулка» («The Excursion») есть фрагмент, в котором поэт излагает свое понимание свободы воли, близкое философии Спинозы:

So build we up the Being that we are;
Thus deeply drinking-in the soul of things,
We shall be wise perforce; and, while inspired
By choice, and conscious that the Will is free,
Shall move unswerving, even as if impelled
By strict necessity, along the path
Of order and of good [17. P. 123].

¹ Перевод И. Казаковой.

*[Так мы создаем бытие, которым являемся; / Испив из глубины душу вещей, / Мы по необходимости станем мудрыми, и, будучи вдохновленными / Лучшим и созная, что воля свободна, / Мы должны неуклонно двигаться, как будто побуждаемые / Строгой необходимостью, по пути / Порядка и добра]*¹.

Таким образом, свободная воля для Вордсворта – это добровольное подчинение природной необходимости, которая равнозначна добру.

Все рассмотренные выше аспекты мировоззрения Вордсворта вполне вписываются в традиции этического сентиментализма, основанного на вере в то, что нравственность опирается на чувства или ощущения, однако в этических представлениях английского романтика имеется чуждый этой традиции элемент – понятие долга, заимствованное из этики И. Канта. Хотя вопрос о влиянии кантианства на творчество Вордсворта не относится напрямую к рассматриваемой в статье проблематике, обращение к нему поможет составить более полное представление о нравственных воззрениях поэта.

В одном из писем, написанных в поздний период жизни, Вордсворт характеризовал сочинения представителей немецкой классической философии как «тоскливые» и признавал в качестве единственной заслуги немецких философов перед теоретической английской мыслью популяризацию платонизма [18. Р. 76]. Однако намного раньше, размышляя о проблемах этики, Вордсворт отмечал преимущества немецкой философии перед английской в этой области: в письме от 31 марта 1809 г. поэт противопоставлял деградировавшую до утилитаризма моральную философию в Англии немецкой философской этике, в которой звучит «голос рассудка и природы» [3. Р. 68]. Свидетельством того, что вдохновила поэта именно этика Канта, является в первую очередь «Ода долгу» («Ode to Duty»).

Хотя ода предваряется эпиграфом в виде цитаты из письма Сенеки, что должно напомнить об этике стоицизма, описание долга в самом стихотворении вполне соответствует кантианству: поэт называет долг суровой дочерью божественного голоса («Stern Daughter of the Voice of God»), говорит о свободе, которая начинает осознаться «в тишине мысли» (But in the quietness of thought: / Me this unchartered freedom tires») [19. Р. 26, 28]. Однако в третьей строфе оды поэт отступает от кантианской этики, утверждая, что «наша натура будет счастливой, если любовь – наш безошибочный свет и радость – наша защита» («...happy will our nature be, / When love is an unerring light, / And joy its own security») [19. Р. 27]. М. Райдер полагает, что эти строки, возможно, возникли под воздействием концепции «прекрасной души», предложенной Ф. Шиллером в противовес кантианскому разделению нравственного долга и чувственной склонности [3. Р. 70]. Согласно Шиллеру прекрасная душа – это душа нравственно совершенного человека, у которого склонность участвует в моральном поведении и согласуется с долгом; иными словами, такой человек выполняет свой нрав-

¹ Перевод И. Казаковой.

ственный долг с радостью и удовольствием [20. С. 145–149]. Разумеется, концепция прекрасной души близка мировоззрению английского поэта, однако высказываемые в «Оде долгу» мысли о согласии долга и чувства, о чувстве радости, которое служит нам ориентиром в нравственной сфере и защищает нас от ошибок, у Вордсворта более естественно вписываются в контекст английского этического сентиментализма и философии Шефтсбери.

Таким образом, излагая в оде кантианскую концепцию долга, Вордсворт и здесь не отказывается от своей излюбленной этической идеи о естественности нравственных чувств, созвучной Шефтсбери и другим английским моральным философам XVIII в.

Еще одна сторона этики Канта, которая нашла отражение в поэзии Вордсворта, – это формулировка категорического императива с помощью понятия цели: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого также, как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству» [21. С. 270].

В поэме «Прогулка» Вордсворт обращается к этой идее Канта, размышляя о том, какие моральные последствия ждут человека, отказавшегося от соблюдения этого принципа:

Our life is turned
Out of her course, wherever man is made
An offering, or a sacrifice, a tool
Or implement, a passive thing employed
As a brute mean, without acknowledgment
Of common right or interest in the end;
Used or abused, as selfishness may prompt.
Say, what can follow for a rational soul
Perverted thus, but weakness in all good,
And strength in evil? [17. С. 249]

[Наша жизнь сбилась / Со своего курса там, где человек стал для нас / Подношением или жертвой, инструментом / Или орудием; вещью, используемой / Как грубое средство, без признания / Общих прав или конечных целей; / Эгоистически потребляемой. / Скажи, что может произойти с разумной душой, / Столь извратившейся, как не ослабление в добре / И усиление в зле?]¹

Эти строки – подтверждение того, что воззрения Вордсворта в области нравственности формировались не только под влиянием идей этического сентиментализма. Однако, как свидетельствует «Ода долгу», поэт пытается дополнить деонтологическую кантовскую этику отсылками к сфере человеческих чувств.

Рассмотрев этические представления Вордсворта в контексте моральной философии XVIII в., в первую очередь в контексте учения Шефтсбери,

¹ Перевод И. Казаковой.

можно прийти к выводу, что идеи этического сентиментализма получили продолжение в творчестве этого поэта-романтика. При этом принадлежность Вордсворта к романтизму сыграла заметную роль в том, как он воспринимает и интерпретирует моральную философию мыслителя XVIII в.: немаловажную роль в его этических воззрениях играет категория воображения, которое традиционно считается принадлежностью сферы эстетического. Однако эстетические моменты никогда не перевешивают в его этике собственно нравственные: воображение, интуиция, способность видеть красоту мира выступают у Вордсворта как способы достижения единства с миром, которое и делает человека нравственным – способным любить других, сострадать, отзываться на боль и радость другого человека. Таким образом, эстетическое в мировоззрении Вордсворта является необходимым условием этического и этапом на пути его достижения.

Литература

1. Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками : в 2 т. Т. 2: От Канта до Ницше / пер. с нем.; под ред. А. Введенского. М. : Гиперборей: Кучково поле, 2007. 512 с.
2. Potkay A. Wordsworth's Ethics. Baltimore : Johns Hopkins Press, 2012. VII+254 p.
3. Rader M. Wordsworth: A Philosophical Approach. Oxford : The Clarendon Press, 1967. 217 p.
4. Grob A. The philosophic mind: A study of Wordsworth's poetry and thought 1797–1805. Columbus : Ohio State University Press, 1973. XII+279 p.
5. Boyson R. Wordsworth and the Enlightenment Idea of Pleasure. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. 247 p.
6. Wolff E. Shaftesbury und seine Bedeutung für die englische Literatur des 18. Jhr.: Der Moralist und die literarische Form. Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1960. 238 S.
7. Вордсворт У. Избранная лирика : сб. / сост. Е. Зыкова. М. : Радуга, 2001. 592 с.
8. Шефтсбери. Эстетические опыты / сост., пер., коммент. А.В. Михайлова. М. : Искусство, 1975. 543 с.
9. Hutcheson F. An Inquiry into the Original of our Ideas of Beauty and Virtue in Two Treatises. Indianapolis : Liberty Fund, Inc., 2008. XXXII, 271 p.
10. Юм Д. Сочинения : в 2 т. Т. 1 / пер. с англ. С.И. Церетели и др. ; вступ. ст. А.Ф. Грязнова ; примеч. И.С. Нарского. 2-е изд., доп. и испр. М. : Мысль, 1996. 733 с.
11. Wordsworth W. The Prelude or Growth of a Poet's Mind: The Four Texts (1798, 1799, 1805, 1850) / ed. by J. Wordsworth. London : Penguin Books Ltd., 1995. 868 p.
12. Wordsworth W. The Prelude or Growth of a Poet's Mind / ed. by E. de Selincourt. Oxford : Clarendon Press, 1926. LXII, 614 p.
13. Hirsch E.D. Wordsworth and Schelling: A typological Study of Romanticism. New Haven : Yale University Press, 1960. XI, 214 p.
14. Лосев А.Ф. История античной эстетики: Поздний эллинизм. Харьков : Фолио ; Москва : АСТ, 2000. 960 с.
15. Wordsworth W. The complete poetical works: Cambridge Edition. Boston ; New York, 1904. XLII+937 p.
16. Лосев А.Ф. Словарь античной философии: избр. ст. М. : Мир идей, 1995. 228 с.
17. Wordsworth W. The Excursion: A Poem. London : Simpkin, Marshall and Co., 1814. 268 p.
18. Wordsworth W. The Critical Opinions of William Wordsworth / ed. by L. Markham, Jr. Peacock. Baltimore : Johns Hopkins Press, 1950. 469 p.

19. Wordsworth W. Poems of Wordsworth. New York : C.S. Francis and Co., 1854. 714 p.
20. Шиллер Ф. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 6. М. : Худож. лит., 1957. 791 с.
21. Кант И. Сочинения : в 6 т. Т. 4, ч. 1 / под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. М. : Мысль, 1965. 544 с.

William Wordsworth's Ethical Views in the Context of 18th Century English Moral Philosophy

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 72. 248–263. DOI: 10.17223/19986645/72/13

Irina B. Kazakova, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation). E-mail: kib_sam@mail.ru

Keywords: William Wordsworth, Shaftesbury, ethical sentimentalism, romanticism, imagination, aesthetic theodicy.

The article analyzes the moral views of the English romance of William Wordsworth that reflected in his poetic works. The author traces the continuity of Wordsworth's ethics with the moral philosophy of the eighteenth century, primarily with English ethical sentimentalism, and notes the closeness of the poet's views with the moral ideas of Shaftesbury. The closest points in the ethical concepts of Wordsworth and Shaftesbury are the idea of nature as a source of moral sense, the concept of the unity of all living things and the ensuing thought of love for humanity as a necessary condition for love for an individual person. To know the unity of nature and the integrity of humanity is possible only with the help of creative intuition and imagination, which both the romantic poet and the philosopher of the Enlightenment see as a necessary part of man's moral attitude to the world. The lack of emotional connection with the world deprives a person of the opportunity to distinguish good from evil and live a moral life. Both Wordsworth and Shaftesbury try to understand and explain the nature of evil, which is associated with the imperfection of the material world, the suffering and death of all living things. To explain evil, Shaftesbury uses aesthetic theodicy, describing the individual negative aspects of the universe as necessary components of world harmony. Wordsworth does not focus on natural evil and explains moral evil in man as an emotional falling away from world unity and, as a result, inability to love other living beings. Wordsworth and Shaftesbury consider the feeling of joy and pleasure that a person experiences when doing a good deed or observing moral manifestations in other people to be evidence of the innate and natural nature of morality. Many features in the ethical views of Wordsworth and Shaftesbury testify to the inclination of these thinkers to the pantheistic worldview and to philosophical concepts based on pantheism – Neo-Platonism, and, in the case of Wordsworth, to the teachings of Baruch Spinoza. The influence of Neo-Platonism is evidenced by the interpretation by these authors of the concept of love as a way of knowing the unity of the world and as an attraction of the soul to the beautiful, including moral beauty. Spinoza's influence on Wordsworth can be traced in his understanding of free will. Among thinkers who influenced Wordsworth in the field of ethical ideas, Immanuel Kant, who did not share the views of the eighteenth-century ethical sentimentalism, stands apart. In Kant's moral philosophy, the English poet was attracted by the idea of duty dictated by the categorical imperative – the voice of God in the human soul, and the idea of the inadmissibility of treating a person only as a means. In general, the analysis of the moral ideas that were reflected in Wordsworth's poetry speaks of the connection of this representative of romanticism with the traditions of the moral philosophy of the Enlightenment and in the first place with the teachings of Shaftesbury.

References

1. Windelband, W. (2007) *Istoriya novoy filosofii v ee svyazi s obshchey kul'turoy i ot del'nyimi naukami: v 2 t.* [The history of new philosophy in its connection with general culture and individual sciences: in 2 volumes]. Vol. 2. Moscow: Giperboreya; Kuchkovo pole.

2. Potkay, A. (2012) *Wordsworth's Ethics*. Baltimore: Johns Hopkins Press.
3. Rader, M. (1967) *Wordsworth: A Philosophical Approach*. Oxford: The Clarendon Press.
4. Grob, A. (1973) *The philosophic mind: A study of Wordsworth's poetry and thought 1797–1805*. Columbus: Ohio State University Press.
5. Boyson, R. (2012) *Wordsworth and the Enlightenment Idea of Pleasure*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Wolff, E. (1960) *Shaftesbury und seine Bedeutung für die englische Literatur des 18. Jhr.: Der Moralist und die literarische Form*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag.
7. Wordsworth, W. (2001) *Izbrannaya lirika: sbornik* [Selected lyrics: A compendium]. Translated from English. Moscow: Raduga.
8. Shaftesbury. (1975) *Esteticheskie opyty* [Aesthetic experiences]. Translated from English by A.V. Mikhaylov. Moscow: Iskusstvo.
9. Hutcheson, F. (2008) *An Inquiry into the Original of our Ideas of Beauty and Virtue in Two Treatises*. Indianapolis: Liberty Fund, Inc.
10. Hume, D. (1996) *Sochineniya: v 2 t.* [Writings: In 2 volumes]. Translated from English by S.I. Tsereteli et al. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
11. Wordsworth, W. (1995) *The Prelude or Growth of a Poet's Mind: The Four Texts (1798, 1799, 1805, 1850)*. London: Penguin Books Ltd.
12. Wordsworth, W. (1926) *The Prelude or Growth of a Poet's Mind*. Oxford: Clarendon Press.
13. Hirsch, E.D. (1960) *Wordsworth and Schelling: A typological Study of Romanticism*. New Haven: Yale University Press.
14. Losev, A.F. (2000) *Istoriya antichnoy estetiki: Pozdny ellinizm* [A History of Ancient Aesthetics: Late Hellenism]. Kharkiv: Folio; Moscow: AST.
15. Wordsworth, W. (1904) *The complete poetical works: Cambridge Edition*. Boston; New York: Houghton, Mifflin & Co.
16. Losev, A.F. (1995) *Slovar' antichnoy filosofii: Izbrannye stat'i* [Dictionary of Ancient Philosophy: Selected Articles]. Moscow: Mir idey.
17. Wordsworth, W. (1814) *The Excursion: A Poem*. London: Simpkin, Marshall and Co.
18. Wordsworth, W. (1950) *The Critical Opinions of William Wordsworth*. Baltimore: Johns Hopkins Press.
19. Wordsworth, W. (1854) *Poems of Wordsworth*. New York: C.S. Francis and Co.
20. Schiller, F. (1957) *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected works: In 7 volumes]. Translated from German. Vol. 6. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
21. Kant, I. (1965) *Sochineniya: v 6 t.* [Works: in 6 volumes]. Translated from German. Vol. 4 (1). Moscow: Mysl'.